

АНТОНИО
МЕНЕГЕТТИ

КЛИНИЧЕСКАЯ ОНТОПСИХОЛОГИЯ

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПСИХОТЕРАПИИ. НОВЫЙ ПОДХОД.

НФ "Антонио Менегетти"

Антонио Менегетти

Клиническая онтопсихология

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63072583

Клиническая онтопсихология:

ISBN 978-5-906601-06-3

Аннотация

Впервые книга «Клиническая онтопсихология» вышла в Италии в 1978 г., в момент становления онтопсихологии, как научного направления.

За теоретическим изложением стоит многолетний опыт психотерапевтической работы Антонио Менегетти с различными случаями заболеваний – от онкологии до шизофрении. В книге представлена методология психотерапии с точки зрения онтопсихологии.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава первая	5
1.1. Введение	5
1.2. Инстинкт	7
1.3. Психическая реальность	20
1.4. Бессознательное	25
1.5. Рефлексия за пределами слова	31
1.6. Ассоциация, равная смещению*	36
1.7. Первичное вытеснение	47
1.8. Сопротивление	52
1.9. Контакт в онтотерапии	62
1.10. «Сверх-Я»	76
Глава вторая	86
2.1. Введение	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Антонио Менегетти
Клиническая
ОНТОПСИХОЛОГИЯ

© 1969–2003 Psicologica Editrice di T. Meneghetti

Глава первая

Уточнение некоторых терминов классической психологии

1.1. Введение

Необходимость психотерапии связана с утратой человеком части себя, своей идентичности. В соответствии с собственным экзистенциальным порядком он должен восстановить ее и сделать для себя очевидной. Практика онтопсихологии направлена на восстановление функциональных способностей Ин-се человека*. К этому приводит диалог, который передает онтическую семантику Ин-се. Онтотерапевт и пациент взаимодействуют для того, чтобы возникло нечто новое, то есть произошло откровение как результат осознания «первичного процесса»*. Под откровением подразумевается проявление «в-себе-бытия»*, это самоданность, априорное рождение, которое приводит в восхищение. Благодаря развитию диалога на научных основаниях раскрывается то, что отсутствовало в феноменологии предпосылок.

Искусство онтопсихологии предполагает мастерское владение инструментом диалога и, в особенности, ясное осознание психической динамики в классическом психоаналити-

ческом смысле.

По этой причине, прежде чем представить возможности клинического применения онтотерапии (выздоровление, или восстановление сознания бытия), было бы уместно объяснить особый смысл, который онтопсихология вкладывает в терминологию современной психологии.

Терминология состоит из множества моментов, в которых проявляется внутренний мир человека и его историческое развитие. Хотя человек обладает внутренней основой, фактически он движим внешним. Поэтому необходимо говорить с ним извне, чтобы привести его к тому, чтобы он был внутри: если субъект утрачивает свое внешнее, где он осуществляет метаболизм собственного Ин-се, то никогда не сможет найти его внутри. Утрата феномена приводит к опустошению ноумена.

Онтопсихолог творит искусство Ин-се, используя все аспекты его внешнего проявления.

1.2. Инстинкт

Это один из наиболее сложных и неоднозначных терминов, он принадлежит к тем понятиям, которые исходят из недоказуемой предпосылки. Бессознательное состоит из совокупности инстинктов.

Используя слово «инстинкт», каждый автор дает ему психологическое и философское определение с позиций своего научного направления*.

Под «инстинктом» подразумевается наследственное видовое поведение, филогенетическая связь: это коррелят наследственного комплекса, обеспечивающий возможность существования, сохранения и роста.

Это совокупность структур или одна из тех структур, которые формируют целостность типичного существования.

Собака обладает набором моделей и структур, которые характеризуют и идентифицируют ее в модели существования, определяют ее как собаку. Эти характерные особенности формируются в тот момент, когда структуры создают феномен, когда структурированный импульс при выходе из организма проявляет и выражает себя.

Повторение в поиске одного и того же объекта типизирует инстинкт.

Мы видим, что растение или человек в определенном поведении, движении проявляет желание пить, ищет воду и

пъет. Поиск и поглощение данного объекта позволяют нам идентифицировать определенный инстинкт – инстинкт жажды. Но этого недостаточно, чтобы сказать, что данное поведение является наследственным: что же лежит в основе наследственного поведения. Также недостаточно сказать, что существует структура в целостной совокупности организма или типичной совокупности существования (голод, жажда, секс и т. п.). На чем они основаны. Если различные структуры формируют совокупность, то где источник каждой из них.

Инстинкт – это единая структура, проявляющаяся в предметном поведении.

Следовательно, инстинкт – это нечто самодвижущееся, всегда соответствующее единой структуре, проявляющейся через предметное поведение, то есть «в отношении к чему-то».

Мы постигаем инстинкт в целостной структуре и определяем его через объект, на который он направлен.

Этот поиск необходим для получения конкретного материала и объяснения того, откуда рождается бессознательное.

Это не поиск принципа, а наблюдение за сущностью инстинкта в месте существования.

Как образуется это место существования.

Наше сознание познает инстинкты после многочисленных уже произошедших фактов. То, что мы определяем как «инстинкт», является шагом на пути, во многом уже пройден-

ном. Когда я вижу, что человек испытывает жажду, я знаю, что эта жажда появляется не из ничего, а из некой совокупности, существующей среди многих других совокупностей.

Когда мы говорим «инстинкт», это подобно слову, выдержанному из речи. Мы знаем лишь то, что идет после этого слова, но не знаем, что было до него.

Чтобы испытывать жажду, необходимо иметь желудок: камень не испытывает жажду. Иными словами, мы должны обладать специальным аппаратом, способным к определенному метаболическому захвату, то есть транспозиции, ассимиляции и восстановлению, как, к примеру, им обладает трава, растения, то есть аппаратом как совокупностью различных структур.

Инстинкт детерминирован двумя фундаментальными аспектами, через которые проживается некая третья стадия.

Если обратиться к принципу – тому, где мы определяем бытие, существование, вещественность, то он единообразен: не существует структуры, не существует противопоставления, возможности выводить понятия. В случае использования рациональности нам необходимы параметры сравнения и противопоставления.

Говоря о *пространстве*, я незамедлительно представляю две крайние точки, то есть пространством называется то, что содержится между этими крайними точками. Говоря о *времени*, подразумевают интенсивность продвижения от одного момента к другому во взаимосвязи с внутренней сущно-

стью разделения. Когда я предлагаю воспринимать вещи в единообразии, это означает, что необходимо устранить любую дифференциацию (отдавая себе отчет в том, что наше воображение не достигает этого).

Воображение не может уловить того, что я пытаюсь объяснить, потому что оно как инструмент действует на уровне содержания, является неким содержанием, значением, следствием. Всецелое как единообразное присутствие представляет собой движение, то же присутствие, которое сходится в себе и дает тем самым начало развитию импульса внутри себя. Это самоначинание сходится в себе, и его саморазвитие всегда происходит через сходящиеся импульсы в тот момент, когда оно воплощается как движение, порождает противоположности.

Представьте огромное море: вода движется как следствие внутрисущностной жизни в тот момент, когда она являет себя. Присутствующая жизнь детерминирует движение, отклонения, смещения центра. В море движение центра порождает отдельные части. Как только присутствующая жизнь определяет схождение иным образом, она детерминирует движение, в котором порождаются противоположности, рассматриваемые как части.

В этом огромном море видно различие между тем, что внешне недвижимо, и тем, что превращается в волну, но одна волна не является другой волной, даже если обе они принадлежат к одной и той же водной сути. Каждая отличается в

собственном присутствии как всецелое во всецелом, однако одновременно с этим детерминирует различные точки зрения, различные динамические точки.

Дальнейшее развитие детерминирует фиксированные точки. Там, где появляется волна, возникают особенности, начинается индивидуация. Как только энергия производит движение, неизбежно образуются силовые точки, которые становятся в дальнейшем точками конденсации. Движение конденсируется в осадок. Принцип осадка этого движения детерминирует определенную фиксацию, некую стабильность.

Если вы неплотно закроете кран, то сначала раковина будет чистой, но в дальнейшем капли воды образуют канавку: содержащийся в воде кальций отложится в виде выступов по краям дорожки, по которой стекают капли.

Сначала ничего не было, однако эти кальциевые выступы детерминируют русло течения капли, и это предопределяет инстинкт падающих капель.

Вначале капля могла упасть в одну или другую сторону, но если из десяти капель семь стекли в одном направлении, оставшиеся три не являются определяющими в отношении инстинкта. Первые семь обуславливают последующие капли. То, что является повторением первого момента, задает условия и направляет в установленное русло все последующее.

Этот образный пример показывает, что сама вода создает свое русло, то есть сама энергия образует собственные ме-

ста скопления, сама жизнь закладывает собственные повторения, и в местах наиболее частых повторений появляются конденсаты, агломераты, которые в дальнейшем обуславливают породившую их энергию.

В этом смысле инстинкт рождается не интенционально, а исходит из первого модуса, первого основания.

Кальциевая канавка не является интенциональной в движении капли, которая ее выбрала. Если в сформировавшемся маленьком русле возникло бы препятствие, то вода не побежала бы обязательным образом через это препятствие, что могло бы привести к появлению другой дорожки, другого ската, например в глубь стенки, и выстраиванию собственного предпочтительного направления в соответствии с детерминизмом, основанном на первом акте.

Первый акт свободы обуславливает каждый последующий акт, который уже является псевдосвободой. *Именно свобода бытия ставит перед собой собственные препятствия и условия.*

Такова первая стадия, в дальнейшем достаточно уметь развивать ее, чтобы понять, что через этот процесс мы можем достичь в дальнейшем любого многообразия. Как только приобретает базовый элемент образования инстинкта, становится понятным дальнейшее многообразие. Как только установлен модус, уже детерминировано какое-либо отличие. Всецелостность и это отличие в свою очередь детерминируют любое другое дифференциальное многообразие.

Это первое самодвижение индивидуации, то есть в том, как энергия выбирает собственное место, она также уточняет и направление (вторая стадия).

Рассмотрим пример с морем и волной. Если каждая волна рано или поздно образует собственные подводные рифы, откатываясь, порождает равномерные удары, тогда ясно, что совокупность волн или совокупность бурунов является основой взаимодействий. Следовательно, третья стадия наступает тогда, когда мы видим принцип структуры, который каким-либо образом вступает во взаимодействие с другими, то есть первичные движения не детерминируются в одной лишь точке, движение остается всегда в огромной множественности.

Таким образом, для понимания того, как функционирует мое зрение, я не могу ограничиться земным знанием, или знанием планетарной системы. Реальность земли и реальность моего глаза подразумевает существование всего того, что существует, подразумевает существование там, куда еще не сумели проникнуть наши самые мощные телескопы. Следовательно, локализация инстинкта подразумевает присутствие части или всего того, что существует. Итак, в момент взаимодействия, конфликта, сопоставления, то есть тогда, когда индивидуация находится во взаимосвязи с подобными конденсациями или движениями в виде осадков, появляется результирующее. Капля, вытекающая из крана, обладает проектом, инстинктом спуска: вода стекает опреде-

ленным образом, потому что находится во взаимосвязи со спуском в данном направлении, и кальциевое русло формируется вследствие взаимодействия. Есть не только движение воды, но есть также и плотность, направление этой плотности, существует также атмосферное давление. Ясно, что атмосферное давление сформировано одним образом, а основа – другим. С того момента как начинается движение, появляются различные системы, структуры, и различия структур обуславливают самоформирование каждой отдельной структуры. То есть на третьей стадии происходит взаимодействие каждой структуры с другими структурами.

Инстинкт есть место индивидуации жизни, и, естественно, это место, состоящее из силовых точек огромной энергии, всегда развивается в сращении со всеми другими местами, потому что каждое место становится в свою очередь силовой точкой, обуславливающей общую энергию.

Каждое место имеет смысл, если существуют и другие места. Одно место без других мест не имеет смысла.

Третья стадия заключается в повторении исходной единицы. *Первая энергия движется, и в этом самодвижении детерминирует место. Это место синхронно другим местам. Это место и другие места детерминируют структуру отдельного индивида (третий момент) – инстинкт есть структура, фиксирующая векторную направленность энергии.*

Человек – это комплекс различных неорганических и хи-

мических элементов. Это означает, что человек, согласно своей инстинктивной природе, согласно своим фиксированным позициям первичной энергии существования, выживает в той мере, в какой соотносится со всеми другими местами. Чтобы понять суть каждого инстинкта, необходимо восстановить историю всецелого.

Инстинкт приводит к схождению всех частей, эманулируемых энергией с первого своего самодвижения. Это эротическая фаза схождения, контакта, когда известные части сводятся воедино. Именно инстинкт вынуждает периметр, внешние условия индивидуации вернуться, отождествиться со сферическим всецелым. Именно жажда заставляет меня пуститься на поиски воды, где бы она ни находилась. Множественность всех этих инстинктов принуждает человека, отдельного индивида к необходимости встречи со всем тем, что внешне кажется разделенным.

Инстинкт — это веха, предельная конкретная граница, маркирующая бессознательное, это та основа, с которой начинается психология.

Как было уже отмечено, вышесказанное выходит за рамки описательной психологии. Фактически, чтобы раскрыть идентичное в отличном, исследование проводится в метафизической редукции. Несмотря на механистические попытки, любая наука фактически приходит к пониманию, что принципы каждого феномена лежат за его пределами. Несмотря на исследование фиксированных структур, наталкиваешься

на исторические динамики, то есть на динамические модели, которые осуществляются историческим процессом во взаимодействии с биологическими или химическими данными. Приступая к изучению инстинкта для выявления причинности в природе и обществе, сталкиваешься с невозможностью постичь инстинкт лишь с какой-то одной точки зрения – редукционистской (исследование составляющих структуры), органистической (изучение как части превосходящей совокупности), историко-эволюционистской (результат и основа исторического действия). К этому необходимо добавить понятие *целесообразности** во всех его метафизических содержаниях и критических следствиях в отношении научного исследования. После Ньютона и Максвелла волею судеб возникает теория относительности Эйнштейна*: необходимо подготовиться к тому, что наша наука изучает крайние точки, которые относительны по отношению к единой волне, всегда возвращающейся к себе. Но наше бытие «здесь и сейчас» дает нам материально-историческое видение: поэтому даже исследование частей может гарантировать нам всецелое, которым мы являемся.

Если слово «инстинкт» обозначает смысл или заданное направление, индивидуализированный толчок или импульс, то это уже подразумевает значительную степень экспериментально ощутимой дифференциации, вследствие чего мы можем уточнить его. За этим импульсом стоит наша судьба или то, чем мы являемся.

Истинное бессознательное человека укореняется в исходной точке любого другого существования. Но именно поэтому на высших уровнях мы говорим, что человек нуждается в бесконечности, в целом мире, во всецелом, что ничто его не удовлетворит, пока не придаст иллюзию бесконечного. Всецелое инстинктивно заложено в человеке. *Свойственный человеку детерминизм заключается в том, чтобы быть всем.* То есть быть счастливым, быть наполненным, быть зрелым – это долг, потому что это инстинкт, а не выбор. В каком смысле я говорю об этом. В том смысле, что когда ведущий вал передает движение поршням и полуосям, колеса должны крутиться.

Если человек не достигает того, что было спровоцировано инстинктом, у него начинается невроз, состояние раздвоенности и он разрушается как место существования, как место энергии.

Ни один из инстинктов постоянно не превалирует над другим: они всегда представляют собой дифференцированные точки одного призвания, одной идентичности, они являются местами, где разделенная энергия оказывает давление для достижения единой позиции своего происхождения. Заблокировать инстинкт, предать один из них означает подвергнуть опасности все остальные. Один инстинкт невозможно понять, если он не находится в совокупности с другими структурами: я могу понять слух в совокупности со зрением, организмом, испытывающим жажду, голод, *инстинк-*

том, поддерживающим генетический код, распределяемый высшим целым.

А теперь зададимся вопросом: сома основывает психику или психика основывает сому. Именно психика основывает сому. Все остальные органы в момент формирования в зародыше всегда заранее программируются импульсами, которые не имеют соматической проявленности.

Инстинкт – это энергия, импульс, что проявляется на уровне собственного осадка, который нам видится его структурой. Именно инстинкт программирует собственные структуры. Это энергия, опережающая любые производные. То, что мы определяем как механистические составляющие инстинкта, указывает лишь на устойчивые переходы или модус, становящийся осадком через повторяемость. Потом ставший осадком модус или место силы вызывает каузальность, синхронную энергии в себе. Энергия причиняется Ин-се и собственными эффектами. Наиболее очевидной известной нам энергией в рамках научных представлений является психика, и именно от нее исходят различные послания и образуется входящая информация. Каждый локализованный инстинкт является энергией, которая проявляет себя одинаковым образом и переносит себя в этом месте (место создано модусом): сама по себе она индифферентна.

Энергия, информирующая о жажде, информирующая орган зрения, слуха, всегда представляет собой одно и то же: когда некоторые говорят о «третьем глазе», чувстве чувств,

технически это возможно именно в силу базового принципа. Инстинкты, представляющие места одной и той же энергии, в определенный момент становятся прозрачными и определяют появление высшей реальности. Когда я говорю о «третьем глазе», то это еще не онтическое видение. Онтическое видение превосходит факт существования, а третий глаз всегда основывается на факте существования.

1.3. Психическая реальность

Обычно в исследовании под так называемой реальностью мы подразумеваем нечто материальное, улавливаемое органами чувств, что может быть объектом физики. Здесь же мы намереваемся коснуться психической реальности, состоящей из бессознательного, импульсов, образов, сновидений, ассоциаций, онейрических переложений, галлюцинаций, видений и т. п.

Когда человек начинает изучать психологию, прежде всего в рамках психотерапевтической школы, у него появляется ощущение, что он бродит среди феноменов, догадок, основывающихся исключительно на рациональных доводах. Страхи, тревоги больного субъекта, галлюциногенные формы, которые невозможно контролировать с помощью обычных модальностей, не являются плодом ложных установок и, следовательно, не могут быть аннулированы сознательным пренебрежением. Во многих случаях совершаются попытки установить материальное соответствие, чтобы устранить тягостную психическую бессвязность.

Мы должны признать, что существуем в отрыве от нашей модели реальности. Мы привыкли полагать, что реальность существует до тех пор, пока мы можем до нее дотронуться вовне, пока она воздействует на нашу телесную чувствительность. Таким положением дел объясняется недоверие, кото-

рое переживают все те, кто сталкивается с исследованием глубинного мира человека. Это глубинное и называется психическим.

Вы видели опыт с зеркалом: сперва у человека обостряют самоощущение, затем предлагают посмотреть на себя в зеркало. Пациент, глядя на свое отражение, начинает воспринимать себя странным образом: например, его могут пугать собственные глаза, кажущиеся ему чужими, страшными, то есть пациенту не удастся уловить реальность собственных глаз, он не узнает ее и в большинстве случаев боится своего неизведанного внутреннего мира.

Сегодня из трех людей двое испытали такой сильный страх, что молили о том, чтобы им перестали показывать в зеркале их глаза. Третий человек сказал, что не узнает себя, в то время как узнавал меня, когда я убирал зеркало. Он видел мои глаза, мое лицо, но не мог осознать себя. Все они описывали свои глаза как что-то серое и холодное. Таким образом, я демонстрировал через проявление физиогномики внутреннее бессознательное присутствие комплекса.

Возвращаясь к психической реальности, отметим, что в науке под этим понятием подразумевается реальная данность или событие, которое посредством психического поля структурирует модели или критерии очевидности любой реальности – как человеческой, так и внешней.

Наша ошибка заключается в том, что мы разделили реальность, вынесли ее за пределы самих себя, отстранившись

от самих себя.

Мы должны понять психическую реальность как совокупность мыслительной деятельности, организующей физическую реальность. Необходимо думать о реальности детерминистически, в смысле физического детерминизма.

Возьмем пример невротика, демонстрирующего свои страхи, психосоматические аспекты. Чтобы восстановить его целостность, необходимо воздействовать на реальность, которая находится внутри него, потому что нечто внутри него действует более реально, нежели вовне.

Не следует думать, что он сначала обладал спокойной упорядоченной органической реальностью своего внутреннего мира, а потом его наводнили идеи, подобно тому, как мы надеваем одежду и воспринимаем ее как нечто, отдельное от нашего тела.

Когда мы говорим о каком-либо комплексе, не стоит полагать, что человек подвергся определенному типу воспитания, являющемуся чем-то внешним. Нет, речь идет об ошибке информации, которая имеет физико-органическую основу.

Говоря о «модусе»*, восстановление связи с этой частью приводит к возобновлению энергии. Изменение модусов приводит к изменению энергетических связей.

Я могу сместить эту же энергию на различные аспекты. Это всего лишь внешний феномен, а не сама энергия. То есть что-то находит свое выражение вовне и становится фено-

меном. Напротив, энергия всегда представляет собой некий подтекст.

Таким образом, когда мы говорим о психической реальности, то подразумеваем объективность субъективности, внутреннее всего внешнего, контролируемого и измеряемого. Более простыми словами: исследуя психическую реальность, мы понимаем, что за любой фобией, видением, галлюцинацией, странными ассоциациями объективным образом стоит реальность.

До тех пор пока мы в это не поверим (а потом не увидим), бесполезно думать о психотерапии: мы всегда будем ошибаться, потому что, в сущности, все наши разговоры не принимаются вследствие недостатка нашей собственной модели реальности.

Психическая реальность, будучи фундаментом других чувственных реальностей, обладает скоростью, взаимосвязями, неизвестными нашим органам чувств, она превосходит все другие органы чувств и является их основой.

Психика вследствие крайне высокого уровня амплитуды может менять временные промежутки и места.

Психическая реальность обладает возможностью перемещаться, не будучи обусловленной продвижением вперед.

Вследствие того, что мы основали принцип реальности на очень медленной скорости, мы называем реальность медленной, и нам неведомы скорости ультразвука.

Наши инстинкты указывают на присутствие объектов,

расположенных уже внутри нашего тела или уже внутри психической системы. Они не могли бы указывать нам на то, чего уже нет внутри. Разговор о психической реальности раскрывает безграничный мир. На данный момент остановимся на следующей концепции: феноменологии любого поведения субъекта дается определенная психическая реальность, детерминирующая эти феномены вовне. Эта психическая реальность несет в себе больше истины, чем сам феномен.

Подобное допущение возможно еще до размышления о бессознательном. До тех пор пока человек не придет к этой очевидности, невозможно заниматься психотерапией и еще менее возможна онтотерапия.

1.4. Бессознательное

Человек, обладая целостным организмом, представляет собой действие, динамику, которая, фактически, является бессознательной. Огромной заслугой Фрейда является обнаружение в человеке мира, реальности, которая действует, но о которой человек не знает. Психотерапевтическая школа существует, пока есть эта реальность, которая живет в человеке вне его ведения.

Люди проживают жизнь одним образом, а осознают ее другим.

Говоря о бессознательном, подразумевают все то, чем индивид является, но человечеству неизвестно. Это есть целостность биологии индивида, народа.

Если использовать фрейдовскую терминологию, то для каждого индивида бессознательным является Ид*, он почти полностью представлен «Сверх-Я», частью «Я».

«Я» лишь отчасти является сознательным. Сознание означает «сосуществовать, быть вместе». Мое восприятие находится вместе с моим бытием.

В юнгианских терминах бессознательное является открытой реальностью, отражает реальность коллективного бессознательного, поляризованного некоторыми потенциальными нереальными силовыми центрами, которыми являются архетипы.

Потом существует личное бессознательное: все то, что стало осадком в нас с момента внутриутробного состояния и о чем мы не помним, но что произошло и существует.

Бессознательное – это обширный мир, сеть скрытых советчиков, задающих направление сущему человеку.

Каждый человек бессознательно действует определенным образом, потому что он помещен в эту совокупность. В сущности, оперативность бессознательного в себе и сама по себе неуволнима.

Мы улавливаем материальные аспекты, но проблема остается, потому что нечто скрытое предвосхищает сознание.

Бессознательное – это суть, где индивид основывается на жизни и жизнь устанавливает индивида. Индивидуализированная жизнь – это аспект самодвижения. Мы можем свести изучение бессознательного к пониманию того, что есть эта самодвижущаяся функция.

В способе самовыражения, самопроявления человека мы замечаем, что он осознанно рассуждает, описывает и рассказывает о некоторых аспектах. Этот человек обладает разными динамиками: А, В, С, D, E..., однако, когда он действует, выражает себя, мы видим, что он отдает себе отчет лишь в существовании первых трех динамик – А, В, С, а о других он вообще не упоминает. Если мы попытаемся указать на них, он их не сможет понять, однако мы видим, что он движим всеми этими динамиками. Итак, этот гипотетический пример демонстрирует вам всего человека, и сначала вы мо-

жете подумать, что он обладает тотальной прозрачностью по отношению к самому себе, на самом же деле в тот момент, когда он говорит или принимает решения, вы отдаете себе отчет в том, что большая часть его слепа, глуха и нема.

Субъект глух и слеп по отношению к себе, он нем в своих собственных решениях. Он действует так, словно динамик D и E не существует, и, тем не менее, вы замечаете, что эти динамики наносят ему вред, делают из него марионетку.

Нужно понимать, что слово «бессознательное» появилось не сразу, то есть оно не изучалось изначально. Оно включает все то, существование чего мы должны допустить, но не видим. Это опыт постфактум.

Что такое реальность.

В начале я сказал, что биологическая данность обособляется как тело. Тело есть бессознательная конкретная данность сознательного человека. Человек в своем биологическом аспекте всегда есть разумное и точное действие. Постоянно существует сеть, которую мы можем определить как базовый метаболизм каждого существования.

Тем не менее, я не допускаю различия между психическим и соматическим: это модусы выражения одной и той же энергии в ее различных переходах. Жизнь – это непрерывный контакт, постоянная осмотическая ситуация. Тело есть историческое сознание жизни.

В начале каждой вещи все является непосредственным видением. Я могу думать, смотреть, потому что мой орга-

низм уже находится в контакте с любой вещью. Я решаю часть, потому что уже пребываю во всецелом. Сознание – это момент, в котором я решаю лишь часть, но не все. Другие части претерпевают собственное существование в виде части.

С того мгновения, как бытие создает существование, существование обуславливает любую форму знания и самостановления.

Если я отталкиваюсь от реальности мужчины, то с другой стороны вижу женщину, и наоборот. Если я отталкиваюсь от реальности глаз, то детерминирую отбор вещей на основе зрения.

Каждое исполнение есть внешняя форма того, что уже было взято изнутри. То есть бессознательное уже есть там, где вы потом видите факт. Жизнь всегда находится по обе стороны, она всегда сосуществует, и вследствие этого синхронизма возможен закон смещения. В области семантической интенциональности настоящим убийцей, истинным виновником порой является жертва. Сам по себе инстинкт смерти не появляется, жизнь всегда следует закону расширения, увеличения. Расширение приводит к повторному вложению того, что предстает как преодоленное.

Я знаю, что должен умереть, но не понимаю смерть. Я понимаю смерть как жизненную необходимость (она нелогична, но является самоочевидностью). Каждое мгновение каждый из нас умирает и возрождается, определенная точка в следовании этому закону метаболизма становится крайно-

стью, когда необходимо действовать иным образом.

До какого момента индивид действительно живет в самом себе. Или его жизнь проживают другие. Или он сам живет в других.

Чтобы описать сеть взаимосвязей мгновения бессознательного существования индивида, понадобилась бы не одна библиотека.

Выделив несущие структуры, мы видим, что индивид производит отбор согласно теме, заданной этими двумя или тремя структурами. Обычно пациентам всегда снятся одни и те же сны, они всегда воскрешают в памяти одни и те же следы. Структура проявляет себя навязчивым образом.

Хороший психотерапевт должен уметь улавливать в своем пациенте ту структуру, которая уже стала настолько большой, что обуславливает внутренний мир его бессознательного, детерминирует его в болезни, неполноценности, шизофрении. Необходимо выявить по крайней мере эту, наиболее проявленную вовне структуру бессознательного мира.

Подобные структуры могут привести к самоконтролю «Я». Навязчивые состояния, фобии всегда являются лишь тревожными сигналами для нашего «Я».

Бессознательное не нужно искать, необходимо уметь дождаться его, вступить с ним в контакт с любовью и смирением, потому что оно является непосредственным конденсатом божественного, которое есть в каждом человеке. Для меня сущность бессознательного и божественное – это одно

и то же.

1.5. Рефлексия за пределами слова

В общей массе люди являются профессионалами слова и подчеркивают свои действия или власть в человеческих взаимоотношениях посредством *слова*. В онтопсихологии используется слово, но находится она по ту сторону слова: значение имеет динамический контакт. Слово – это лишь место прошлого, в то время как онтотерапия действует в области, где контакты порождают эмоции.

Большая часть человеческого общения, к сожалению, регламентирована словом, и оно возымело такую власть, что позволяет внутреннему миру человека «уйти на покой».

На основе того, «как, что, когда было сказано», человек оказывается определенным и ограниченным, в какой-то степени даже заложником одной из его моделей, которая изначально появилась для того, чтобы облегчить ему функцию роста.

Как появляется ключевая структура лингвистического поведения.

Слово есть осадок, конденсат, что-то, что сначала имело место как случайное действие среди более или менее разнообразного и неотчетливого множества. Можно сказать, что это определенная квантовая новизна, которая действовала свободно и плодovито, как продуктивное саморазвитие биологического дискурса, и в какой-то момент ее конденсация

установила данного человека вместе с другим человеком, а этих двоих вместе с другими.

Люди искали нечто, что из множественности случайных взаимодействий в их существовании выявит их, выделит и усилит.

В какой-то момент одна сила увеличивается, воздействует на данного индивида, и последний ради получения преимуществ, первенства, успеха ищет облегчения. Эта взаимообратимость создает причинность. Причинность, которая непрерывно действует, устанавливая реальность, задает черты, аспекты.

Первые жесты появляются в контексте взаимо-связей.

Два-три человека, находящихся в группе, становятся двадцатью, тридцатью, и необходимость выживания среди различных взаимодействий заставляет их устанавливать и принимать определенным образом некие условия.

Слово рождается из решения этих взаимоотношений. Слово – это решение одного сегмента динамики, являющейся вечной и в отношении слова всегда индифферентной.

Мы определяем иерархию и переходы, на протяжении многих веков устанавливаются конструкты, формирующие ментальную структуру.

Когда люди говорят, они как будто бы изнутри познают собственные истоки и за пределами слов дают сигнал реальности, которая их проживает, которая ими движет. Как будто каждый ищет другого в подобной реальности жизни («по-

добной», потому что нет одинаковых жизней для нас, людей, даже если люди через слова пытались бы дать фиксированную идентичность, усилить экспансивную и свободную причину).

Через слово человек, желая сохранить собственную индивидуацию, пытается остановить во времени бесконечное самодвижение существования. Люди договариваются относительно фиксированных параметров: «это белое или черное», но даже эти утверждения появляются как результат согласия людей, в то время как на самом деле проживаемая реальность не является ни белой, ни черной.

Наша цивилизация, а следовательно, наше исследование мышления, в сущности, основывается лишь на иллюзии реальности, которая, тем не менее, обладает властью над принятием решений в данной группе и требует определенной динамики и способа существования.

Хотя индивидуация зависит от существования, она в свою очередь может приносить в него свои решения. Как только человек родился, он становится аутоктизом и придает форму окружающей среде.

Наш способ мышления основывается на одном инструменте, на одной заранее заданной форме, и за этим решением находится огромное море жизни, существования.

Когда человек начинает видеть за пределами параметров научного, философского, религиозного исследования, то лучше понимает предмет любого исследования. Он видит с

простотой многие вещи и одновременно с этим, если раньше он пытался выразить себя в словах, теперь он все больше пытается свести слово и само мышление к этой индифферентной динамике.

Любая вербализация нуждается в объективном ориентире, и это не только воспоминание объективно существовавшего еще до нашего решения, но также принудительная попытка достичь индифферентности вечной динамики.

Мы должны быть отражением этой обширной динамики, которая является свободной, упорядоченной и не имеет правил. К сожалению, большинство людей отвергает или утрачивает возможность быть сознанием и знаком первичной жизни.

Фактически, ценность слова определяется усредненным уровнем, принятым в данный момент способом использования, контекстами, которые в какой-то момент дают возможность проявиться этому слову. Онтотерапевт таков, когда видит человека в самодвижении или одновременным движению (то есть индивид познает себя, совершая метаболизм) первичного процесса.

Семантика любого вербализма, любой логики не выводится с определенностью кантовских или позитивистских мыслительных моделей. Это всего лишь поиск точной динамики, которая остается неприкосновенной и протекает вне рациональных критериев социальной группы.

Онтопсихология развивается на основе первичной жизни,

способна понять любой процесс принятия решений и обосновывает собственное видение, потому что видит и выявляет его, когда слова еще не стали частью мысли.

1.6. Ассоциация, равная смещению*

А) Впервые понятие «ассоциация» используется Платоном в «Федоне»* для объяснения феномена воспоминания. Дэвид Юм, Стюарт Милль, Александр Бэм и другие* видели в этом понятии основу человеческого познания. «Ассоциация идей» отражает общую тенденцию психических процессов связываться между собой таким образом, что когда одно из них возникает в сознании, то вызывает другие по смежности, сходству или контрасту.

Фрейд использовал термин «ассоциация»* для описания теории интерпретации сновидений. В ходе общения с пациентом психоаналитик выявляет символ, образ и совершает поиск возможных ассоциаций пациента для определения первичного импульса, скрывающегося за данным символом. Фактически, бессознательное осуществляет поиск и реализует собственные потребности благодаря развитой способности к адаптации. Когда на пути к сущностному для жизни человека объекту появляется препятствие, каждый раз вырабатывается неожиданная тактика достижения данного объекта, потому что столкновение бессознательного с препятствием достижения объекта, необходимого для жизнедеятельности, означает смерть.

Прежде чем умереть, организм осуществляет процесс с множеством вариантов решений в виде адаптации, хотя они

и очень далеки от объекта, соответствующего импульсу.

Важно, чтобы была достигнута цель. Эта система адаптации как процесс называется «ассоциация».

Основополагающий принцип онтопсихологии утверждает, что организм как индивидуация обретает конкретику в «континууме» окружающей среды*.

Каждая индивидуация, наделенная идентичностью, погружена в специфическую непрерывность окружающей среды. Иными словами, сущность индивидуации напрямую связана с единой сущностью окружающей среды (следовательно, речь идет не о внешнем ориентире, как может показаться нашим органам чувств). Каждый организм свершается в среде и одновременно с этим каждый организм индивидуализирует среду. В определенной мере индивидуация является и не является средой.

Другое утверждение: организм жизнеспособен настолько, насколько он находится в метаболизме со средой.

Понятия «аутопластический» и «аллопластический»* могут представлять динамические взаимодополняющие формы. «Аутопластическими» являются те формы, которые видны изнутри организма, «аллопластическими» – те, что видны снаружи.

Если вернуться к положению о том, что организм есть момент средового «континуума», становится очевидным, что аутопластический или аллопластический в итоге могут указывать лишь на индивидуальные, в зависимости от взгляда,

точки отсчета.

Представьте себе организм в передающем и получающем континууме среды. В этой текучести жажда, голод, сон, жар, обладание, агрессивность являются нестабильными формами контакта организма и среды.

Представьте себе место, где сходятся сотни поездов: наш организм — это узловая точка среды, точка пересечения внешне крайне сложная, но в себе и сама по себе крайне упорядоченная. Поезда постоянно прибывают и уезжают, некоторые останавливаются, некоторые проходят мимо и идут дальше. Местоположение инстинкта не привязано исключительно к определенному типу химического соединения организма.

Мы уже подчеркивали, что ассоциация берет начало в метаболическом континууме между обособленной органикой и средой. Разберем это. Импульс, движение, искажение предопределяются в организме. То есть организм описывает изменение поведения среды по соотношению к себе. Поскольку человеческая органика является также и сознанием, способностью к саморефлексии, возглавляемой «Я», и «Я» формируется всегда после «Сверх-Я», оно предвосхищает историческое стечение обстоятельств. Из этого следует, что навязчивое состояние, или повторяемое навязчивое обуславливание, приводит к искажению нейронной функции организма. Для организма акт дефекации и пение обладают одинаковой чистотой, но социальная обусловленность ставит на

первое место интересы собственной группы, нежели самой жизни. Для организма первичным является дефекация, а потом пение. Если какая-то валентность среды воспринимается организмом как опасная, то он пресекает ее.

Там, где социум вторгается в информацию жизни, происходит манипуляция организмом и внедрение в него ошибочной в отношении объекта и среды информации. Изначально в тот момент, когда жизненная информация поступает в обуславливающий центр, или в точку взаимосвязи организма со средой, происходит ее перехват и обработка, что вызывает тревогу во всем организме.

Отклоненный от собственной природной и инстинктивной мудрости организм вновь получает информацию и занимает оборонительную позицию. Во время защиты он ассоциирует себя с объектами, дающими оправдание, то есть требование со стороны «Сверх-Я» может вложить в послание жизни смысл смертельной опасности.

Ассоциация – это вторичный факт. Он предопределяется фактом социального воспитания. Например, эротическая функция интерпретируется с позиций чувства вины или кастрации и ассоциируется с ними. Поскольку организм получает эту информацию через живой контакт (пощечина, громкий крик, укоризненный взгляд и т. п.) он ассоциирует данную вариацию, дезинформацию жизни с тактильно-органическим опытом. Если кого-то однажды ударило током, он больше не будет лезть пальцем в розетку, при виде розетки

его организм проявит бдительность. Точно так же и организм ребенка будет реагировать согласно однажды воспринятому стилю соматизации социальной информации. Как только информация жизни была зарегистрирована в определенной модели соматизации, последняя предопределяет каждую последующую соматизацию.

Поскольку органическая реальность развивается во времени, то, прежде чем достичь ощущения пустоты и смерти, она делает отчаянные попытки зацепиться путем ассоциаций хоть за какое-нибудь спасение. Так, истерик или человек с внезапными приступами страха не может понять причину своего состояния, хотя это просто. Предположим, что изменчивая среда принимает форму, соматизируясь в бессознательном, которое всегда остается открытым и чутко реагирующим по отношению к окружающей среде, и в тот момент, когда этот тип энергии вовлекает весь организм, в том числе «Я», появляется преграда. Тогда человек, вместо того чтобы вступить в драку или заняться любовью, ощущает приступ тревоги, тахикардию, удушье, то есть что-то, что дает организму возможность испытать возбуждение. Важным в это мгновение является возбуждение, вибрация в ответ на энергетическое вмешательство окружающей среды. Действие в любом случае происходит, его невозможно остановить. И неважно, реализует ли его человек в виде мастурбации, поцелуя, ругательного слова, каталептического приступа, мучительной депрессии, фобии, важно наличие перехода.

да энергии. «Я», обусловленное и неспособное на адекватный ответ на информацию (информацию в квантовом, качественном смысле), не может принять новое из среды и вынуждено проживать действие жизни искаженным образом. То есть *ассоциация совершается не бессознательным, а «Я»*. Именно «Я» ощущает себя загнанным в тупик жизнью, эмоцией, действием, которое в любом случае происходит. «Я» не удастся сохранить целостность на фоне этой обусловленности, которую оно полагает абсолют, и тогда оно осуществляет смещение, которое считает равнозначным и дозволенным.

Фрейд не был точен, когда говорил, что инстинкт стремится к стазу. Инстинкт стремится ко всему, к непрерывности, инстинкт – это всегда подвижность. Именно «Я», рациональная модель, стремится уравновесить любое воплощение, приводя к стагнации «Сверх-Я». Инстинкт – это всегда эволюция, круговорот жизни. Таким образом, ассоциация – это механизм жизни, связанный с эмоциями, который направлен на ненарушение того, что предусмотрено в рамках общества.

Онтотерапевт, работающий с механизмами ассоциации, использует все модели познания субъекта, пока не добьется с его стороны осознанного предъявления эмоционального поведения.

Онтотерапевт интуитивно познает действие бессознательного, или того, чем уже стала живущая органика. Он придает

гибкости «Я», чтобы то смогло войти в гармонию со своим ведущим, если только прежде, вследствие неведения «Я», не приведет к смерти весь организм (поскольку оно опосредует контакт между органическим и средой).

Все вышесказанное соответствует также данным исследований нервной системы организма. Если в определенный момент конденсат синапсов, нейронов определяет, что данный стимул или информация опасна, то происходит блокирование импульса. Многие люди ощущают момент опустошенности, тревоги: каждый раз, когда появляется такое состояние, это означает, что «Я» пытается избавиться от импульсов, которые его захлестывают. «Я» реагирует не на пустоту, а на жизнь, которую оно вынуждено не познавать, потому что когда-то, когда оно пыталось познать ее, оно натолкнулось на столь сильное препятствие, что предпочло отступить. И с этого дня всякий раз, когда возможен шаг в метаболизме между организмом и средой, «Я» выводит себя из игры. На сознательном уровне человек проживает пустоту, навязчивое состояние или кастрирующий образ, потому что организм обучился тому, что за соприкосновением с этой жизненной валентностью наступает смерть. *Крайней попыткой бегства от смерти является входжение в состояние внутренней пустоты, несуществования.* То есть динамика метаболизма, отвергнутая «Я», фиксирует в определенном состоянии органическую непрерывность, в результате чего появляется ощущение подавленности, тяжести, оцепенения, хо-

лода. Когда эти механизмы больше не срабатывают, развивается тяжелое психосоматическое отклонение, которое приводит к смерти.

Все сказанное выше позволяет применить систему ассоциаций к больным, но уже не в качестве обычной системы защиты с позитивными аспектами. Ассоциация, становящаяся для индивида патологическим ориентиром (невроз и шизофрения в целом с различными психосоматическими и поведенческими отклонениями), определяется как результат явной неточности «Я» и «Сверх-Я».

В) Мы вечно находимся в состоянии непрерывной ассоциации, постоянно происходящие события пересекаются в нашем внутреннем мире, словно на перекрестке. И чем больше различий в органической структуре, тем больше в нас таких «транспортных развязок».

Мы достигаем реальности мира через наше тело, где она повторно интерпретируется на основе базового кода органической структуры. Внешние предметы отличаются от нашего их восприятия, они составляют реальность, но модус реальности предопределен прежде всего нашим организмом.

Наш способ существования – это факт реальности. Внешняя реальность обусловлена тематическим смыслом, то есть тем, что уже создано в каждом из нас.

Онтотерапевт всегда должен уметь находить точечный ориентир, сквозь который преломляются все существующие вещи. С момента прихода в этот мир человек живет как орга-

низм, как ум, если удачно вписывается в среду. Будучи силовой точкой среды, он одновременно является ее совершенным продуктом. В плане возможности существования каждый человек уже находится в выигрышной ситуации, поднимающей его над всем остальным. Поэтому неизбежно любая вещь, входящая с ним во взаимодействие, находится в ассоциации с ним.

Будучи венцом творения среды, человек воплощает собой лучшее, и только если он является лучшим, он сможет выжить как выражение индивидуальности среды. Когда организм больше не является лучшим продуктом среды, он деградирует и исчезает, а его материальный смысл восполняют другие индивидуации, составляющие лучший средовой квант. Каждый из нас живет в той мере, в какой представляет собой высшую точку развития среды. И тогда, будучи ее лучшим продуктом, человек уже выстроен в ассоциации поощрения в своих лучших аспектах.

Когда человек целостен и здоров, он постигает реальность в радости, удовольствии, красоте, потому что является продуктом, *ключевым феноменом среды*, которая является динамической одновременностью бытия.

Мы уже пребываем в жизни, и для этого у нас есть инстинкт ассоциации с жизненным объектом (вода, еда), то есть внутри каждого из нас заведомо прописаны все пути.

Первую роль в ассоциации играет поощрение: с момента своего существования человек находится в координации и

ассоциации с функциональными для его жизни вещами.

Первичная ассоциация всегда положительна, она поощряет, обеспечивает жизненный заряд, является организмической, то есть представляет собой упорядоченную жизненную энергию.

Мы выдвигаем следующий тезис: любой тип сознательной ассоциации или ассоциации, нарушенной каким-либо типом комплекса, всегда допустим при условии, что за ним стоит отношение первичного поощрения между организмом и средой. Этот тип первичного поощрения между индивидом и средой и есть основополагающий инстинкт, на котором основаны все остальные феномены.

Из вышесказанного следует, что существует первичная константная ассоциация, а также ассоциация, возникающая при стечении обстоятельств, или обусловленная.

Первичная ассоциация всегда существует в общности с жизнью, всегда приводит к самореализации жизни, такова первичная данность бессознательного каждого человека. Когда в фантазии сознания индивида выявляются образы, тяготеющие исключительно к ограничению, кастрации, препятствию, это означает, что в данной органической индивидуации наличествует противопоставление. В этом случае развитие ассоциации в большей степени обусловлено стечением обстоятельств, нежели возможностью роста.

Первичную (позитивную) ассоциацию необходимо понимать двояко:

1. как органический, метаболический фактор;
2. как потенциальный фактор перехода к одному или нескольким присутствиям универсума в постоянной взаимосвязи.

Обусловленная ассоциация выражается в двух модусах:

1. мнестическом следе, или исторической структуре*;
2. заключении, выводимом из одной из взаимосвязей сродового универсума.

1.7. Первичное вытеснение

Попытки найти источник зарождения вытеснения ставят исследователей в затруднительное положение.

Когда первичный импульс организма сдерживается по причине того, что событие из социального контекста было проинтерпретировано как опасное и даже смертельное для целостности человека, «Я», эта ответственная за организм структура скрывает данный симптом, вытесняет его из зоны внешнего проявления, препятствует его выражению во вне, не воплощает его в прямом, историческом, социальном феномене.

Учет механизма, получившего название *вытеснение*, то есть способности вытеснять что-либо, приводит к предположению о существовании некой биологической предпосылки, более древней, нежели свободные функции, которые появляются на первом или втором году жизни. Способность вытеснять – это биологический дар индивида.

Таким образом, способность жизненного инстинкта корректировать себя в противоположных его логике ситуациях является не приобретенной, а дана человеку от природы в гештальтной форме еще в утробе матери.

Чтобы понять источник вытеснения, мы должны допустить, что ребенок обучается брать объекты, потому что у него есть руки. Субъект осуществляет собственные вытесне-

ния, потому что уже наделен способностью вытеснять.

Так, я помню, что у обеих моих дочерей в полугодовальном возрасте наблюдался феномен отказа от матери после ее недельного отсутствия, однако подобный отказ не наблюдался по отношению ко мне, отцу, или другому знакомому лицу. С другими аффективные отношения продолжались, как будто их отсутствие не оказывало столь сильного влияния. Напротив, возвращение матери сопровождалось отказом.

Почему происходил этот обидчивый отказ.

В матери ребенок видит первичный объект своей любви, его организм заранее формирует защиту на случай опасности ее исчезновения. Как будто бы он говорит: «Еще одна подобная потеря – и я умру». Таким образом, проявляется биологический ум самозащиты в отношении человека, который, отдаляясь, заставляет ощутить недостаток жизни. Или речь может идти об определенной тактике адаптации, «желании причинить боль» своим отказом от объекта любви, чтобы спровоцировать его реакцию.

И тот, и другой случай для меня суть одно и то же, поскольку речь идет о способности к вытеснению, являющейся частью системы адаптации организма.

Или другой случай. Уже в возрасте пяти месяцев младшая дочь, когда мать держала на руках старшую, проявлялась через определенную форму немоты. Тем самым она словно устраняла себя чуть ли не мазохистским образом, так как была неспособна выразить вовне свою агрессию. Как будто

разум жизни и организм считали лучшей формой выживания регресс организма, потому что лишь в этом случае его можно будет спасти.

Напротив, старшая дочь при первой возможности внешне выражала агрессию по отношению к младшей сестре.

Мазохизм и агрессивность являются не приобретенными формами, а формами естественного выживания. Сновидение также является первой естественной защитой организма. Дети очень много спят, потому что полностью открыты новизне, и окружающая среда вызывает у них сильные ощущения. Сновидение играет роль интровертивной защиты, пока постепенно формируется способность к адаптации.

Мы не должны думать, что ребенок поглощает лишь травматическим образом: механизм вытеснения необходим также для преобразования трудности в форму жизни. Следовательно, назначение медикаментов ребенку до трех лет, исключая случаи крайней объективной необходимости, наносит ему вред, потому что препятствует страданиям организма, который приспосабливается к определенной форме жизни и силы.

Следовательно, изначально *вытеснение* – это *интенциональность адаптации*, свойственная каждому организму. Вытеснение настолько сильно, поскольку является жизненной силой организма. Вытеснение появляется с момента встречи сперматозоида и яйцеклетки. Все дальнейшие метаболические процессы клетки до формирования организма

представляют собой не что иное, как процесс достижения, структурного формирования первичного вытеснения, на основе которого в дальнейшем появляется так называемое вторичное вытеснение.

Понятие вытеснения находит свое объяснение в той же теории, что и рождение инстинкта.

Человек живет благодаря, в том числе, и способности вытеснять. Если у него есть комплекс и он осознает его, это означает, что он осуществил другой тип вытеснения.

Таким образом, «абреакции»* в абсолютном смысле не существует, потому что абреакция есть смерть, в то время как сила организма заключается в его способности к адаптации.

С момента появления и на протяжении всей жизни человек представляет собой осадок, формирующийся из-за постоянного вытеснения. Когда первичная адаптация более невозможна, а комплексуальная структура упрочивает свои позиции, человек утрачивает жизненный закон, и отказ превалирует над жизненным инстинктом.

В этом смысле первичное вытеснение основывается на принципе адаптивной эволюции биологической реальности и исторических индивидуаций.

Это становится понятным, если придерживаться единой точки зрения. К сожалению, чтобы понять единство, мы все время отталкиваемся от культурной диссоциации, которая предполагает усилия на ментальном уровне.

Каждая вещь является таковой на основе отношений. Любая форма болезни или несчастья всегда находит поддержку и подпитку со стороны определенной формы жизни: сопротивление тоже является формой адаптации, жизненной формой, поскольку организм предохраняет себя от негативного воздействия среды. Ошибка может быть в следующем: когда индивид усвоил определенный тип адаптации, он настаивает на старой схеме даже для того, чтобы защититься от среды, несущей ему обогащение. Он ошибается в интерпретации причины своего «Я», то есть получает информацию, однако не способен правильно интерпретировать ее.

Мы называем *сопротивлением* ошибочную защиту организма, которая приводит к превалированию задержки роста, хотя априорно имеется естественный контакт с объектом, новой формой обогащения.

1.8. Сопротивление

Под *сопротивлением** обычно подразумевается самосохранение самой сильной структуры, которая делает развитие «Я» более ригидным и одновременно с этим замыкает индивида на патологическом саморегулировании. Субъект в реальности страдает из-за того, что он защищает в большей мере. Речь идет об исторической череде событий, определяющих каждую метаболическую актуальность, которая приводит субъекта к потере, несмотря на то что субъект видит в этой череде событий наилучшую модель успеха. Однако, если быть более точными, сопротивление является противопоставлением, установленным «Сверх-Я» как абсолютная норма выживания для «Я». За этим противопоставлением могут стоять усиливающие семантики, ведущие к отбору тематической типологии первичной матрицы «Сверх-Я».

Сопротивление, суть которого была выделена во время онтотерапии, является не чем иным, как твердой социально-рациональной структурой, непоколебимостью которой не допускает осознания фундаментальных первичных процессов, осуществляемых организмическим Ин-се. Вследствие этой непоколебимости или фиксации субъект для совпадения с интроецированной социальной ситуацией подавляет собственный организм, приводя к патологии свои жизненные импульсы.

Проявления сопротивления во время психотерапии можно свести к ложной скрупулезности, прямой и косвенной провокации, антагонизму, отказу от обязательств, демонстрации бессилия, обольщению, неожиданному регрессу, союзу с первичной социальной группой. Прежде чем перейти к рассмотрению последней формы, хотелось бы напомнить, что модальности сопротивления во всех вышеперечисленных формах поведения проявляются в соответствии с возможными защитными механизмами.

Считается, что психотерапия длится до того момента, пока у клиента есть сопротивление, всегда присутствующее у субъекта-пациента. Не углубляясь в специфическое описание сопротивления, хотелось бы рассмотреть некоторые его аспекты, которые не встречаются в трудах серьезных психоаналитиков. Сопротивление похоже на айсберг, оно rozpoзнается в энергетическом кванте целостной среды, на которую ссылается и которую представляет субъект-пациент.

Невротик (в общем смысле) – это маркер, наиболее выраженный случай средовой патологии (группы или семьи).

Когда я говорю «семья», то подразумеваю под этим не кровное родство, а любую референтную группу*, которая обуславливает первичную среду субъекта-пациента.

Субъект является самой чувствительной «антенной» и обладает наиболее развитым уровнем восприятия в данном контексте. Он – самый слабый в том смысле, что, обладая обостренной неавтономной и неосознанной чувствительно-

стью, становится точкой разгрузки напряжения для всей семьи.

Для поддержания равновесия в группе, в которой есть внутренняя патология, требуется в том числе наличие больного.

Этим я не хочу сказать, что семья неизбежно представляет собой болезнь. Мои слова означают, что в данную семью привносится патология, внедряется изначально больной человек, которого таковым не считают, но который развивает свою болезнь в зависимом и наиболее колонизированном партнере.

Настоящий больной является ключевой точкой, детерминантом в рамках группы. Он есть несущая ось, стержень семантического поля всей семьи.

Когда субъект-пациент перестает поддерживать того, кто управляет семейной динамикой, или не справляется с функцией поддержания равновесия в семье, семья ради самоочищения усугубляет процесс его ослабления и подталкивает субъекта к болезни и уничтожению.

Лечебные заведения собирают тех, кого отвергла семья. Если лечебному заведению удастся привести больного к состоянию, когда он еще способен найти равновесие в семье, то семья принимает его обратно. Но если пациент с помощью психотерапии выздоравливает, то есть становится личностной и нацеленной на себя функцией, то по возвращении в семью последняя потребует от него выполнения старой ро-

ли, которая реализовывала определенную функцию взаимоотношений и компенсации патологии группы.

Семья вновь попытается задать тип семантического поля, сдавливающего субъекта в определенных рамках, чтобы он вернулся к исполнению старой функции. Она нуждается в нем только в определенном виде и не хочет нарушать это равновесие.

Семья борется за определенный тип выживания, который полагает единственным действенным способом.

Следовательно, она хочет, чтобы субъект стал прежним. В противном случае неизбежно столкновение, в котором побеждает сильнейший. Если победит ребенок, тогда он наконец-то восстановит себя целостным образом, не будет больше частью, которую надо развивать во взаимосвязи с функцией равновесия патологического семейного контекста. Именно поэтому больной ребенок сначала нуждается в другом контексте, группе, которая служит для него уравнивающим фактором.

Новая группа позволяет бывшему пациенту сформироваться в исключительной функции для самого себя и оказывает ему поддержку до тех пор, пока в нем не сформируется силовая структура для демонстрации ответственности в семейных отношениях. Один он не сможет справиться с этим.

Мотивация сопротивления заключается в защите определенного образа жизни этой семьи. Семья для восстановления былого равновесия стремится любым способом защи-

тить ложные права. Кажется, что общество основывается на индивиде, на самом деле – на семье, группе и т. п. Во имя семьи великий ум сопротивляющегося комплекса создает целую команду (священник, полицейский, политическая партия, идеология) против любого, кто может стать источником аутентификации.

Часто я видел, как одна и та же модель семантического поля оставалась неприкосновенной исключительно для обслуживания патологической динамики семьи, в которой пациент был предлогом. Когда пациент утверждает, что он свободен и ни от кого не зависит, и не понимает, почему у него возникают трудности или требования со стороны семьи, необходимо всегда предположить, что он есть выражение комплексного сопротивления семейного контекста.

В этом случае пациенту необходимо помочь один или несколько раз, а потом оставить его в его сопротивлении.

Именно пациент должен решить, хочет ли он получить позитивную автономию или нет: таков принцип любой онтотерапии. Это противоречит любому другому принципу современной психотерапии. Многие психотерапевты терпят крах не потому, что пациенты превосходят их по уму, а потому что терапевты не смогли понять, что в этом индивиде циркулирует патология семейной группы.

Онтотерапевт, сталкиваясь с сопротивлением субъекта во время психотерапии, должен прорабатывать сопротивление, но не вдаваться в его глубокий анализ. Терапевт всегда

должен помнить, что проявленное сопротивление является лишь вершиной айсберга. Его долг состоит в том, чтобы доходчиво объяснить пациенту, что подобное поведение есть не что иное, как внешнее и чуждое сопротивление.

После сделанных предупреждений онтоотерапевт должен уйти, иначе его поглотит комплекс семейного контекста или он перестанет выполнять свою функцию.

Желание идти вопреки сопротивлению и попытки устранить его лишь усилят этот механизм. Изначально семейное сопротивление проявляется робко, рассеянно, незначительно (какое-то высказывание, небольшая критика), потом появляется в более значимых фактах (работа, отсутствие денег), распространяется на моральные принципы (старые традиции, моральные запреты), потом воплощается в принципе сострадания (принесенные жертвы) и в этом превращается в прямое обвинение.

Через сострадание семья начинает шантаж, то есть атаку. Сопротивление семейной группы увеличивается или уменьшается в зависимости от уровня силы, автономии субъекта. Чем больше автономии и жизненных сил появляется у субъекта, тем сильнее становится сопротивление, которое вызывает вовне всевозможные приступы агрессивности, категорическое требование возврата субъекта-пациента в лоно семьи. Разворачивается открытая война, которая ведется всеми возможными способами, предоставляемыми законом, обществом, группой.

Когда пациент не показывает никакого признака сопротивления со стороны семьи, это означает, что море еще нетронуто и семья для него это лишь одна из ролей, пока он не нашел другой замены своей патологии.

Следовательно, индивидуальное сопротивление сильно в той мере, в какой субъект связан с группой, и существует до тех пор, пока он находится в симбиозе со своей первоначальной патологической группой.

Говоря о сопротивлении, в котором пациент становится своего рода скрытым посланником, или выразителем скрытой проблемы семейного контекста, можно заметить, что такое положение может быть оправданным в силу его честности. Напротив, в случае отклоняющегося от нормы нечестного сопротивления человек прикрывается другими людьми или конкретными ситуациями: пациент заявляет о желании принять решение стать аутентичным, но бездействует, поскольку не в силах преодолеть реальные препятствия в виде внешних условий, таких как сложности в контексте, с друзьями или в жизни.

Человек прикрывается трудностями там, где в действительности всем управляет сознательная ложь. При этом онейрический анализ, имагогика, выводы психотерапевта указывают на то, что субъект в определенных моментах остается под превалирующим воздействием главного комплекса, и очевидно, что внешней трудности не существует.

Но наиболее предательское сопротивление происходит

тогда, когда пациент, убедившись после психотерапевтической проверки в том, что является силовой точкой семейной динамики, подвергается нападкам главного отправителя, который провоцирует особую ситуацию ради компенсации или удовлетворения собственной патологической потребности.

В этом случае сопротивление проявляется максимально активно.

Отправитель усиливает свое вампирическое действие в отношении предпочитаемого больного, управляя группой.

Анализ поведения зависимого человека в семье демонстрирует наличие реальной трудности, осознанность во внешних фактах, обращение ко всевозможным крайностям, которые могли бы оправдать пациента во внешней реальности. И если попытаться показать зависимому, или пациенту, что все, что с ним происходит, вызвано скрытыми действиями партнера, он занимает оборонительную позицию в разговоре с тем, кто хочет уничтожить его зависимость от вампирического «возлюбленного».

Таким образом, сам клиент усиливает в своем колониальном тылу то, что установил его комплекс.

Часто пациент демонстрирует невинность, беспомощность, податливость, решимость к сотрудничеству, согласие, и чем более явно это проявляется, тем сильнее становится сопротивление того, кого он хочет скрыть, и в некоторых случаях сопротивление колониального тыла используется для нападков на фигуру психотерапевта.

Тактика сопротивления пациента способна управлять действиями на протяжении долгого времени.

Пациент обычно не осознает этого, но внутри замечает, что старое ядро постепенно вновь берет верх, становится более отчетливым и жестким по сравнению с прошлым.

Психика – это всегда активная энергия, и стоит утратить бдительность, чтобы она восстановила все ранее предусмотренное. И если субъект, находящийся в рамках семейного ядра, проходит психотерапию, то другие члены семейства претерпевают действие сопротивления в неизменном виде.

Данный тип сопротивления проявляется в тех случаях, когда субъект, предприняв всевозможные попытки, так и не приходит к продуктивным и прогрессивным результатам. Это неумолимо свидетельствует о связи субъекта с тылом сопротивления.

Сопротивление навязывается ему группой.

Каждый человек после психотерапии несет полную ответственность за свои конфликты, комплексы, у него есть зона лжи, и он повинен в определенных типах своих несчастий и проблем.

Чтобы стать собой, не нужно демонстративно противопоставлять себя группе, достаточно принять внутреннее решение относительно того, что является твоим и неотъемлемо для априорного и экзистенциального внутреннего мира.

Вина лежит на тех, кто должен научиться принимать на себя ответственность за свой выбор. До тех пор, пока че-

человек избегает проблем, связанных с семейным кланом, он уклоняется от возможности принять решение быть самим собой.

Симптом сопротивления, связанный с неврозом или неудовлетворенностью, следует всегда изучать в области нашей ответственности, поскольку всегда есть соучастие, которое попустительствует внешнему негативному вмешательству. Достаточно незначительной зоны, чтобы начать действовать против себя. До тех пор, пока наблюдается поведение, в котором человек стремится принять привычное «Я», это есть признак верности сопротивлению, то есть защиты внутреннего патогенеза.

1.9. Контакт в онтотерапии

Под онтотерапевтическим диалогом следует понимать момент восприятия, разворачивающийся между двумя людьми. Понять его может тот, кто входит в идентичность опыта и осознает это.

Психотерапия обладает определенными характеристиками, которые отличают ее от любого другого типа взаимоотношений – от взаимоотношений между врачом и больным, матерью и ребенком, между возлюбленными, между священником и исповедующимся.

Психотерапия, чтобы быть таковой, должна давать больше, а мы должны определить элементы, отличающие психотерапевтический контакт. Только найдя эти элементы, можно говорить о психотерапевтических взаимоотношениях.

Психотерапевт должен воспитывать других, вступающих в отношения с ним как с психотерапевтом, потому что он не может требовать, чтобы другие заранее знали, кем он является и что от него ждать.

Согласно Роджерсу, существует три основополагающих элемента, которые в целом отличают психотерапевтические отношения: неконгруэнтность, конгруэнтность, контакт*, – и обычно они присутствуют одновременно.

1. *Решение (сознание) со стороны того, кто принимает на себя роль пациента*, осознание того, что он находится в

состоянии конфликта, ошибки, раздвоенности между тем, что думает о себе, и тем, чем в реальности является, или между тем, что он думает, и тем, что думают (видят) другие. Таким образом, субъект должен осознавать, что не все сходится в едином действии в его способе существования и образе жизни.

Следовательно, осознавать неконгруэнтность (конгруэнтный означает «развивающийся единым образом»; «множество частей скоординированных в центральность действия»). Наряду с этим со стороны пациента всегда должно присутствовать разрешение обсуждать себя. На самом деле лидером ситуации является он, пациент, а не психотерапевт.

Пациент принимает решение, а психотерапевт начинает действовать лишь после первого акта выбора, воли пациента: именно пациент создает реальность до психотерапевта.

2. Конгруэнтность со стороны психотерапевта. Пациент выбирает другого человека, так как считает, что тот способен помочь ему в силу своей конгруэнтности. Этот человек должен в своем сознательном проявлении представлять видение того, чем он является. Это не означает, что он должен быть совершенным человеком в соответствии со всеми ценностями (политическими, религиозными или духовными), а должен быть конгруэнтным, потому что ему известна собственная данность.

Неконгруэнтность появляется там, где человек не знает то, что проживает, где имеется жизненный опыт, не осозна-

ваемый человеком. Дискурс психотерапии невозможен между двумя любовниками, между матерью и ребенком, между двумя друзьями, потому что в этом случае отсутствует желание признать другого психотерапевтом.

3. *Контакт.* Например, сегодня я проводил психотерапию с одним молодым человеком. Он принес с собой записи сновидений, но я ответил ему, что весь этот материал не нужен. Все эти заметки были вне реальности, которую он проживал сегодня. Даже если это противоречит определенной логике психотерапии, его настоящее измерение определяет другой контакт со мной.

Что дало мне право сделать вывод об отсутствии необходимости в этом материале. Реальность, призывавшая меня в нем, говорила о перспективе, эйфорической готовности к реальности, которая находится в становлении и не отмечена в его памяти, особенно во снах.

Иногда два человека могут ладить при отсутствии контакта между ними. Мужчина и женщина могут заниматься любовью и не быть в контакте. Священник и исповедующийся могут участвовать в причащении и не быть при этом в контакте.

Под контактом подразумеваются две крайние точки, генерирующие и получающие эмотивную и психическую идентичность.

Объективная психотерапия возможна, когда психотерапевт и пациент могут взаимодействовать на основе тотально-

сти экзистенциально-онтического контакта: тотальное бытие пациента улавливается во всех его эмоциональных и психических переменных в исторических рамках консультации.

Онтотерапевт способен следовать за эмоциональностью пациента, превращаясь в эмоциональность (органическое восприятие или поле эмоций, берущее начало в пациенте), резонирующую с импульсами пациента, но с разделенным сознанием.

Я заметил, что пациент в своем рассказе пытается увести меня от действующей эмоциональности своей бессознательной области.

Бессознательное непрерывно действует, и это не гипотеза.

Онтотерапевт указывает на самую реальную часть, действующую за порогом сознательного «Я».

Поскольку в силу семейного воспитания и развития в рамках цивилизации мы привыкли к формулировкам, эти последние определяют сознание, но не реальность. Невроз или психоз появляются вследствие недостаточной идентификации эмоциональности, действующей в бессознательном.

Обобщая, можно сказать, что онтотерапевтический контакт

- со стороны онтотерапевта представляет собой эмоциональную идентичность с пациентом, отчетливое осознание ее как органического факта другого человека и нахождение объекта, соответствующего импульсам;

- со стороны пациента – восприятие, по крайней мере во

время первых консультаций; это, скорее, факт, и никогда — сознание.

Наряду с этими тремя основными пунктами онто-психология вносит следующие уточнения.

4. Бессознательное утверждается в своем жизненном инстинкте, даже если индивид отвергает его, поскольку жизнь использует индивидов, чтобы удостоверить саму себя.

5. Как только онтотерапевт объединился с эмоциональным полем пациента, он постепенно стимулирует его, так как сам не только способен к осознанию, но и в условиях ограниченного времени умеет устанавливать функциональное взаимодействие между «Я» и бессознательным. Получая ясное представление об эмоциональности бессознательного другого человека, онтотерапевт может управлять его импульсами.

Ясно, что риск велик, и можно вызвать отклонение в субъекте. Однако нужно быть спокойными, потому что человек, способный к тотальному видению контакта с другим человеком, является хорошим, то есть позитивным для другого.

В рамках онтопсихологической школы считается нормальным и обычным явлением видеть динамики, которые в официальной науке считаются паранормальными или парapsихическими.

Человек может заявлять о конгруэнтности и в парapsихической области, только если сначала демонстрирует нормальное состояние в традиционном смысле. Поскольку, если не использовать хотя бы один из обычных органов чувств

для доказательства парапсихического, картина будет ложной. Следовательно, понять, насколько здоровым является парапсихический элемент какого-то человека, возможно с помощью нормального состояния других органов чувств. Такой человек понимает искусство, секс, любовь, красоту таких потребностей, как голод и жажда, является гармоничным и не испытывает потребности в отказе от какого-то инстинкта или чувства для утверждения новизны.

Следовательно, необходимо уточнить первичные инстинкты, чтобы при необходимости удостоверить превосходство так называемых парапсихических инстинктов. Для этого также необходима способность взаимного проникновения в метафизический смысл. Человек в заданных условиях становится универсальным, и когда мы говорим о способности индивида проецировать себя в универсальной форме, то подразумеваем метафизику. Человек в своем способе бытия, в своем становлении в виде слова, инструмента, техники, в своем способе быть действием всегда удостоверяется за пределами описательных характеристик или замкнутого пространства своей физической области.

6. Онтотерапевт должен быть способным распознать те эмоции, которые происходят от базового комплекса клиента, и эмоции, которые он испытывает во время консультации. То есть он должен учитывать реакцию, которую проживает пациент, и совершаемые им неизбежные проекции на пациента. На самом деле, существуют переменные, связанные с

фигурой и реальностью психотерапевта.

На теории это кажется просто, но на самом деле представляет немалые трудности. Недавно один клиент, который обращался к разным психоаналитикам, пришел ко мне. Комплекс этого человека был настолько предусмотрительным, что он подстраивался под те диагнозы, которые были у самих психоаналитиков, как будто его присутствие поддерживалось психоаналитиком.

7. Бессознательное людей неодинаково и отличается по количественным и качественным характеристикам от рождения. До начала психотерапии необходимо определить, чье бессознательное сильнее – пациента или психотерапевта. Если бессознательное пациента превосходит бессознательное терапевта, даже при условии высокой технической подготовки последнего он в любом случае будет интроецирован другим и останется лишь на уровне проекций, создаваемых другим.

Если в какой-то момент психотерапевт испытывает эйфорические эмоции, страх, радость или ощущает себя захваченным реальностью клиента, он должен начать сомневаться. Есть такие типы бессознательного, которым удастся заставить других говорить то, что сами они не вербализуют. Необходимо знать, откуда происходит форма, а не то, где появляется феномен.

8. Форма – это значительная сила, функция абсолюта в данной части. Там, где проходит форма, уточняется ситу-

ация. Только наиболее сокровенное для данной ситуации может выявить способ появления формы. К распознанному вызывает контакт. Контакт – это интерактивная область восприятия между двумя; это метакоммуникация* одного с другим, это целостный подход к факту (сознание этого факта принадлежит только онтотерапевту; если бы относилось к обоим, то это было бы радостным завершением психотерапии).

Онтотерапевт, отождествляясь в эмоции другого, то есть в его организмической семантике (каждый организм является источником информации, передает свои исходные данные), и оставаясь в своей собственной организмической вибрации, может уловить раздвоение между организмом и проецирующим «Я». Онтотерапевт знает, *кто есть* пациент, но не знает, что пациент *знает о себе*. Онтотерапевт понимает это через вербальное выражение клиента и способен выявить расхождение между бытием и знанием о себе, оценивая патологическое состояние.

Речь идет не о произвольном контакте, а о соотнесении или соединении с организмической центральностью другого человека. Через этот контакт онтотерапевт может определить организмические импульсы (Ид как высший порядок жизни) и с уверенностью вербализовать их для «Я» пациента. Таким образом, пациенту оказывается содействие в опосредовании с помощью «Я» его собственных динамик, попавших под запрет, но активизирующих патологическое со-

знание. Онтотерапевт должен вербализовать то, что в контакте проявляется наиболее интенсивно. Поэтому можно сказать, что онтотерапевт обучает тому, чему обучился у пациента.

То, что в психотерапии называется сознанием, в большей степени является внешним самонаблюдением, интроецированным устойчивым образом, и система ориентиров и критериев самонаблюдения основывается на наблюдениях человека за социально-семейной средой¹.

Во время первичной социализации ребенок воспринимает других людей не с точки зрения их значимости в силу принадлежности культуре или миру жизни, а, скорее, как посредников реальности в-себе и самой по себе, и интериоризует мир родителей* (или становится им) в качестве мира *как такового*. В пубертатный и подростковый период относительность принципов не в состоянии поддержать организмический рост, и поэтому проявляется позитивный кризис. К сожалению, большинство проживает кризис переоценки поверхностно и подходит к оценке реальности с инфантильными критериями, оставаясь тем самым в рамках закрытой системы. Здоровье – это открытая система, в то время как невротические, шизоидные состояния являются закрытыми системами.

¹ Напротив, далее, когда речь пойдет об априорном «Я», будет подразумеваться необходимость превзойти сознание, которое является а) историческим модусом; б) все еще рефлексией, а не осознанной идентичностью.

Онтотерапевтический контакт необходим для восстановления открытого континуума, для того, чтобы «выпустить рыбу в открытое море».

9. Термин «контакт» происходит от лат. *cum tangere*, то есть прикасаться вместе, дотрагиваться, дать прикоснуться или быть пронизанным одной и той же вещью.

Два человека, которые находятся один напротив другого, определяют интерактивное поле согласно специфическим структурным образованиям каждого из них. Характер, темперамент, вкусы, привычки, формы поведения, инстинкты, комплексы, вытеснение, защитные механизмы, память, воспитание – все это суть структурные образования понимания экзистенциальной энергии. Чтобы лучше понять это, можно вспомнить о представлении Эйнштейна, согласно которому сущностными для описания физических феноменов являются не столько заряды или частицы, сколько поле, сформированное как промежуточное пространство и представляющее в физике электромагнитную силу*. Человек ассоциирует это с информативным контактом, который за пределами внешних органов чувств действует прежде всего на уровне церебровисцеральной семантики. Речь идет об упорядоченном процессе введения интенциональных данных как о совокупности динамических квантов, направленных на достижение определенного эффекта.

Подобное утверждение не должно удивлять, поскольку на данный момент рассматривается и в рамках философских

направлений². Речь идет о том, что любая интеллектуальная и лингвистическая структура есть не что иное, как выбранный модус управления общим (или экзистенциальным) опытом, а не однозначное выражение реальности как таковой. Все мы на самом деле живем и являемся наблюдателями за реальностью, но, чтобы выразить ее для самих себя и других, нам нужны другие правила и протоколы³.

Человеческое познание осуществляется через копирование внутреннего и внешнего, но вначале единым является фундамент, то есть контакт с вещью-в-себе. Интеллектуальные операции, когнитивное развитие происходят и поглощаются во внутренней, частной, недоступной среде. С другой стороны, они появляются во внешнем поведении как несущественные проявления, полезные лишь как символ, как денежная купюра реальной ценности, хранящейся в другом месте (см. слово). В сущности, вся наша система познания произрастает из процессуально-исторических убеждений и не является самой эффективной. Позитивистская или идеалистическая позиция не изменяет эпистемическую ситуацию.

Res любого познавательного или дискурсивного проявления есть событие контакта, происходящего внутри человеческой индивидуации.*

² См. Gargani A. *Il sapere senza fondamenti*. Torino: Einaudi, 1975; Bonfantini A. M. *L'Esistenza della realta*. Bompiani, 1976. ³ См. Gargani A. *Il sapere senza fondamenti*. Torino: Einaudi, 1975; Bonfantini A. M. *L'Esistenza della realta*. Bompiani, 1976.

³ См. Neurath O. *Proto-kollsatre*, in *Erktis*, 1932-33, p. 212-13.

Когда я говорю об онтотерапевтическом контакте, то подразумеваю два аспекта: а) контакт как непосредственное и прямое сознание динамического события между двумя крайними и взаимодействующими между собой точками; б) регулировка, или терапия очевидности факта. Нет нужды, чтобы решение следовало фактической очевидности, чтобы проявлялась очевидность взаимодействия. Это означает, что необходимо констатировать импульсы эротического или деструктивного взаимодействия, и потом при принятии решений субъект может координировать себя в какой угодно области. Переход к решению действителен, если сохраняется достоверность того, что в-себе любого импульса позитивно.

Онтотерапевт в свете контакта с пациентом изучает утраченную реальность пациента: она задает матрицу процесса психотерапевтического взаимодействия. Для онтотерапевта привычно видеть или получать опыт там, где истина вступает в контакт, и потом переводить с помощью символов, образных аналогий, исторических протоколов Ин-се, которое всегда пребывает за пределами. Каждый разговор или утверждение всегда является феноменом, где истина уже случилась. Никакое слово не может воплотить действие Бытия в контакте. Запредельное появляется здесь, только когда индивид достигает онтического сознания или самоочевидного акта. Ради этого онтотерапевт, даже если видит, что творится в святилище человека, должен остановиться у ворот в храм своего пациента, потому что место истины завоевывается в

одинокости. «Во всем том, чему тебя научили другие, тебя еще нет».

10. Некоторые уточнения. Онтотерапевтический контакт рассматривает значимую обусловленность прошлого и настоящее событие в значении одной жизни в действии.

Ощущение того, что ты являешься полем чуждых семантик, не так легко отделить от собственных организмических ощущений. На самом деле тело наблюдателя становится колонией интенциональных эмоций первого действующего лица. Таким образом, я, онтотерапевт, до консультации должен уловить себя со спокойной пассивностью, и наиболее жизненная эмоция связана с ожиданием собственного одиночества. Как только я встречаю клиента, я отмечаю в своем теле другие или новые эмоции: мои органы испытывают возбуждение или удушье, анестезию, отторжение или притяжение. Под органами я подразумеваю любую часть своего тела. Каждый клиент осуществляет со мной симбиотический или колониальный контакт тематического отбора. Я ощущаю активную эмоцию, но я осознаю себя колонией. Расшифровывая эмоции, которые испытывает мое тело-радар, я распознаю семантику другого бессознательного, которое вступает со мной в контакт. Все это происходит до тех пор, пока я воспринимаю другого как луч света. Одновременно с этим мое абсолютное внимание направлено исключительно на другого, и ничто в мире не существует для меня, кроме него. Я вижу его и люблю так, как никто в мире его не любил, смотрю и

дотрагиваюсь так, как никто не смотрел и не дотрагивался. В этом опыте я начинаю говорить с ним на основе памяти его моделей. Когда из этого появляется любовь или ненависть по отношению ко мне, то (оставим в стороне трансфер) в тот момент пациент не может понять, любит ли он или ненавидит меня как другого индивида, или испытывает эти чувства по отношению к своей лучшей части, которую я отстаиваю на сцене его сознания.

Онтотерапевт действует в соответствии с тем, чему учит контакт. После консультации я вновь обретаю себя, как и прежде, в ожидании своего одиночества.

1.10. «Сверх-Я»

Фрейд в представлении своей общей теории выделил такую инстанцию как, «Сверх-Я»*. Я не отношу себя к последователям Фрейда, однако до сих пор нахожу удобным в подготовке клиента ссылаться на фрейдовские параметры «Оно», «Я», «Сверх-Я», поскольку фрейдовский подход наилучшим образом располагает к пониманию динамической данности психики.

Что такое «Сверх-Я». Как оно формируется. Из чего состоит. «Сверх-Я» – это реальность, которая всегда предвосхищает сферу сознательного «Я»; это принуждение, которое уже произошло до становления сознания.

«Сверх-Я» – это регламентация, структуризация, преобразование той первичной энергии, которая безвозмездно предоставляется органическим Ид индивида.

Это наиболее компактная и сложная структура, на основе которой регулируются все идеологические, юридические и патологические понятия социума.

На основе заданных параметров органического Ид социальная ситуация вводит информационные данные и путем многочисленных повторений воздействует на человеческий организм до тех пор, пока тот с целью выживания не усвоит эту информацию. Говоря «интроекция»*, мы подразумеваем под ней такое усвоение, когда социальная ситуация ста-

новится матрицей научения для организма. Организм должен получить ее как закон собственного выживания, иначе не примет, не усвоит ее. Организм чувствует опасность физической смерти.

Социальная ситуация достигает органического «в-себе-бытия», сокровенности человека двумя способами:

а) Семантическая коммуникация (в данном случае имеется в виду реальность семантических полей); этот организм воплощается в среде, являющейся постоянной психической утробой; человек является фактом, результатом взаимодействий. Каждая наша мысль, каждое наше действие всегда является результатом множественных отношений, преципитатом, конденсатом множественных факторов взаимодействия. Это возможно, потому что человеческий организм всегда расположен к адаптации. Адаптация – это закон жизни, при ее отсутствии жизнь становится невозможной.

Как уже было сказано, «Сверх-Я» формируется в результате ассимиляции* как психофизической детерминанты семантических полей, среди которых находится человеческий организм, и растет всегда как эффект этой семантики, еще до так называемого использования разума.

б) Второй способ: организм ребенка постоянно направляем в своих функциях жизненного взаимообмена, то есть, как только он появился на свет, ему удастся выживать до тех пор, пока он способен восстанавливать, заряжаться энергией от окружающей среды.

Жизнь – это процесс взаимодействия между множественными точками, находящимися в зависимости друг от друга. Я могу создать самого совершенного человека в мире, однако, пока в нем есть жизнь, он нуждается в энергетической подпитке, в еде, кислороде и т. п. Этот организм живет до тех пор, пока способен метаболизировать среду, пока является действующей точкой в активном метаболизме. Все мы констатируем эту потребность: на основе данной предпосылки социальная сила симбиотизирована и реализована в матери. Когда ребенку необходима энергия, его организм во всех своих функциях находится под управлением, словно он постоянно вынужден проходить решетку таможни внутри и вне себя, испытывать постоянный шантаж. Манипуляция метаболизмом позволяет социальной ситуации проникнуть вглубь человеческого организма на основании глубинной потребности человеческого организма в метаболизме* со средой. В противном случае человек умрет.

Постоянное повторение этой ситуации неизбежно приводит к следующему: тот, у кого в руках находится возможность метаболизма, выстраивает себя автономным образом в организме, находящемся под его контролем.

«Сверх-Я» – это продукт общества, которому удалось структурировать и воспроизвести себя в органическом в-себе-бытии.

Нужно сделать одно уточнение: этот факт неизбежен. Сама по себе социальная ситуация является жизненным фак-

том, поскольку в ином случае человек не смог бы выжить. Любой младенец, покинув материнское лоно, умер бы. В связи с этим появляется форма более обширной социальной утробы, продолжающей свое действие, дающее жизненные силы в метаболизме индивидуальной органики. Несомненно, это позитивный жизненный акт, необходимый как источник жизни. Таким образом, социальная ситуация, рассматриваемая в данном ключе, важна и жизненно необходима как формирование отдельного органа в рамках человеческого организма. Поскольку социальную ситуацию формируют взрослые, обладающие памятью фрустрации, несущие в себе какой-то изъян, естественно, что эти страдающие от многочисленных вытеснений взрослые колонизируют других в качестве компенсации*. Испытывающий жажду, давая воды, пьет и сам, голодающий, давая еды, ест и сам. Неизбежно человек, не имевший любви, управляя отношениями любви, забирает любовь для себя, управляя жизнью других, берет ее прежде всего для себя.

Легко понять, какое ощущение испытывает неуверенный взрослый, когда у него есть ребенок – его отпрыск, человек, по отношению к которому по праву и положению вещей он не испытывает страха, чуждости. Только в отношениях с этим ребенком-сыном (или дочерью) взрослый ощущает свободный контакт, воспринимает его как часть себя. С ребенком он не испытывает страха быть обиженным, отвергнутым, то есть в нем продолжается «Я» взрослого. Необходи-

димом обладать определенной неуверенностью сознания, чтобы понять преимущества, которые определенный тип матери ощущает в клонирующем контакте с собственным ребенком: «Он не может сказать мне нет, он не способен на инакомыслие, его удел – согласие». Чтобы понять это, представьте, что бы вы почувствовали, взяв щенка: что-то, что надевает вас смыслом конкретности, территориальности «Я». Из этого положения можно прояснить многое. Если я – ребенок – оказываюсь рядом со взрослым, который эгоистично ищет возможность удовлетворения своих удовольствий без потребности кого-либо колонизировать, тогда, просыпаясь, я оказываюсь на своей территории. Напротив, если со мной тот, кто испытывает жажду, голод, неуверен, то, когда я просыпаюсь, чувствую себя чужаком на своей территории.

Даже если в организме всегда остается априорный факт собственного блага, когда я пытаюсь выразить его в феноменологическом действии, я должен действовать согласно уже управляемым ситуациям.

У многих людей присутствует ощущение хорошего инстинктивного начала. Однако в момент совершения действия превалирует голос, команда, привычка. *За каждым патологическим застоем есть примитивный жизненный инстинкт, не включенный в жизненные функции, непознанный и запрещенный.* Каждое инстинктивное направление ребенка должно развиваться согласно определенному параметру, вне которого он не существует.

«Сверх-Я» устанавливает привычку жизни, которая ориентируется на нечто внешнее по отношению к данному организму. Так происходит в патологическом случае. Напротив, «Сверх-Я» важно и жизненно необходимо, когда организм обучается за небольшое количество лет тому, на понимание чего в одиночку ему потребовались бы тысячелетия. «Сверх-Я» – это огромное и, тем не менее, опасное богатство. С помощью структуры «Сверх-Я» организм обучается великим вещам в считанные мгновения. Это означает, что посредством «Сверх-Я» маленькому индивиду удастся постичь целый мир как органический факт и почувствовать весь мир как продолжение себя. «Сверх-Я» по своей жизненной структуре предоставляет ребенку всемогущество мира. Однако это происходит в том случае, если не происходит обмана со стороны других элементов, испытывающих голод, жажду и не имеющих иного источника их утоления. Как уже было сказано, «Сверх-Я» действует скрытым от «Я» образом. Определенный тип ответственности, сравнение различных параметров, перевод чувств в слова, необходимость вербализации для общения с другим человеком, разграничение между субъектом и объектом – все это уже является «Сверх-Я».

«Сверх-Я» – это не простая интроекция этики или морали родителей, пусть даже в простом фрейдовском понимании: оно *структурирует модальность инстинкта и обуславливает любую энергетическую функцию жизни гражданского*

человека.

«Сверх-Я» – это производная энергия социальной среды, которая вступает в метаболизм с органическим и через соответствующее обуславливание определяет как постоянный условный рефлекс всю деятельность индивида. Таким образом, со стороны организма мы получаем действительное энергетическое увеличение, которое становится структурой жизни в самом организме.

Отождествление «Сверх-Я» с организмическим, тем не менее, не доходит до полного замещения им органического Ин-се: если бы это произошло, то привело бы к смерти. Жизнь возможна, пока органическое Ин-се сохраняет целостность.

«Сверх-Я» можно определить как зону, сформировавшуюся в детстве еще до того, как человек научается использовать разум, то есть отличать добро и зло на уровне индивидуального организмического импульса. В дальнейшем все проявления сознания, «Я», ответственности основываются на допускающей предпосылке первой зоны, или «Сверх-Я». «Сверх-Я» становится точкой первого согласования индивидуального бессознательного и бессознательного среды, индивидуальной органики и организмического среды. Это первое согласование структурируется человеческой средой, обществом. «Я» всегда развивается в рамках абсолютного повиновения «Сверх-Я». Следовательно, не существует отдельного пространства «Я». Все, чем является «Я», вся спо-

способность к принятию решений и диалектическому сравнению, возможны лишь в той мере, насколько дозволены фильмом, тщательным отсевом, осуществленным бессознательным и «Сверх-Я». Приводя образный пример, в заданном пространстве большую часть занимает Ид, потом «Сверх-Я», и потом, – «Я». Часть «Я», все «Сверх-Я» и, естественно, Ид составляют зону бессознательного.

Принимая во внимание тот факт, что основные защитные механизмы, несмотря на то что реализуют «Я», появляются под диктатом «Сверх-Я», можно прийти к выводу, что «Я» вынуждено формироваться там, где ему это разрешено, и таким образом, как ему это разрешено.

Как во всем этом действует психотерапия, а именно, онто-терапия. За рамками вседозволенности «Сверх-Я». В тот момент, когда онтотерапевт помогает в-себе-бытию другого человека, он пытается развить зрелую позицию другого, в том числе и ту функцию, которая была выстроена под вседозволенностью «Сверх-Я». Если под «Сверх-Я» подразумевать определенную область – энергетическую зону, модулированную социальными частотами или зону психической энергии, направленную на социальную полезность, – тогда и психотерапевт действует в соответствии с разрешением в этой зоне.

Первая стадия. Несмотря на определенную дискредитацию и, прежде всего, на распространенное поведение в виде сопротивления в отношении психотерапевтов, никто не может утверждать, что они глупцы. Их показывают в филь-

мах великие режиссеры, о них пишут в книгах выдающиеся писатели, упоминают политики. Уже во время первого контакта пациент испытывает уважительное отношение, и факт прохождения психотерапии одобряет, поощряет определенная социальная прослойка. Психотерапия сначала рассматривается таким же образом, как и многое другое, что принимается ввиду социального комплекса. К сожалению, и психотерапевт сначала отбирается, фильтруется в соответствии с реальной организмической потребностью или потребностью «Я», он допускается с согласия социального порядка.

Вторая стадия. Во время прохождения консультаций мы принимаем психотерапевта, потому что он способен выявить соответствие интенциональности. Пациент думает: «С ним я могу большего достичь в политике, в отношениях с друзьями, в системе образования, я могу достичь более качественных социальных результатов. Если психотерапевт может продемонстрировать и удостоверить то, что хочет общество, он исследует и предоставляет практические доказательства, то есть если он засвидетельствует очевидность достигнутых целей, которые являются также и целями, желаемыми обществом, тогда он мне нужен!». Вследствие этого психотерапевтическая модель, вместо того чтобы искать истинное Ин-се, истинный Ид, фокусируется на области «Сверх-Я».

Третья стадия. Когда человек на месте пациента начинает проявляться по отношению к психотерапевту, то есть

использует с психотерапевтом определенные формы поведения, такие как спор, осуждение, любовь, торжество, и в этой фазе он оценивает контакт рациональными параметрами, которые в любом случае закодированы «Сверх-Я».

Тотальный отрыв от «Сверх-Я» происходит тогда, когда человек достигает нейтральности в своем способе существования, улавливает индифферентность модусов, цифр. Когда он постигает сущность – чистое постижение сущности бытия, – в этот момент заканчивается любая психотерапия, заканчиваются взаимоотношения в виде зависимости от другого, потому что в этот момент процветает исключительно инициатива солнечного действия.

Глава вторая

Рождение «Я»

2.1. Введение

До сих пор мне не встрети­лась ни одна теория, кото­рая объясняла бы структуру и сущность «Я». Хотя многие пытались приблизиться к пониманию «Я», тем не менее, они ограничивались утверждениями о функциях «Я», вследствие чего складывается впечатление, будто все выдающиеся авторы исходят из разделения на субъект и объект, а те из них, кто пытается приложить «Я» ко всему, совсем его потеряли.

В теории Фрейда «Я» («Эго») пред­стает как одна из трех валентностей личности*. Основная идея психоанализа от Фрейда до наших дней состоит в отдельном рассмотрении двух реальностей: «Я» – с одной стороны, и предметности мира – с другой.

В критическом обзоре данной проблематики А. Моделл⁴ ставит под сомнение теорию объектных отношений, а также некоторые из базовых положений психоанализа относительно психической структуры человека, и прежде всего тезис о

⁴ Modell A. *La relazione d'oggetto*. – Torino: Boringhieri, 1975

«Я».

Под «объектом» следует понимать инструмент, с помощью которого инстинкт реализует свою цель. В этом смысле в силу мощнейшей способности к смещению динамического заряда «Я» при вложении его во внешнюю реальность объект может многократно претерпевать взаимообмен. Необходимо также принимать во внимание то влияние, которое оказывают объектные отношения на формирование личности вообще. В данном значении объект можно рассматривать как следствие внешнего опыта в организмическом человека.

В сущности, вся гамма функций «Я» подвергается множеству позитивных или негативных воздействий, оказываемых объектными отношениями и вызываемых действием механизмов интериоризации и интроекции. Но как таковые функции «Я» образуются на основе целого ряда исходных биологических данных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.